

ПРАКТИКИ ВЫЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

*Н.Н. Алексейчикова**

Некоторые аспекты повседневной жизни белорусских горожан в годы Ливонской войны 1558–1582 гг. (на примере г. Могилева)

В статье прослеживается влияние военного времени на повседневную жизнь белорусских горожан в XV в. В военное время мирные жители оказывались жертвами ведения боевых действий. Их угоняли в плен, убивали, уничтожали их имущество. В обязанность населения также вменялось содержание армии. Зачастую весьма сложно складывались взаимоотношения между военными и мирными жителями.

War had a great influence on daily life of townsman in XVI century. In this time civilians fall a victim to military operations. Also they were taken prisoner, they lost properties and they killed. People, who lived on this territory, had to support of army. Relationships between civilians and military mans was very difficult. This and other aspects of war time shows in this article.

Ключевые слова: повседневность и война, военное время и занятия горожан в XVI в., влияние военного положения на семью, взаимоотношения мирных жителей и военных.

Key words: daily life and war, wartime and activity of townspeople in XVI century, influence military situation on family, relationships civilian residents and military mans.

XVI в. это время многочисленных военных конфликтов, в которые тем или иным образом оказывались втянуты жители белорусских земель. Одним из наиболее продолжительных военных конфликтов стала война за Инфляндское наследство 1558–1582 гг. (Ливонская война) [3, с. 14–15]. Белорусские земли стали ареной военных действий, что принесло немало бедствий населению. Уничтожались и разорялись целые города, мирные жители вынуждены были переселяться, либо становились военной добычей неприятеля и угонялись в плен: «царь московский тымпилней добывал Полоцка.

Алексейчикова Наталья Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой «Гуманитарные дисциплины», Белорусско-Российский университет, Могилев (Республика Беларусь).

Але гды Дивойна, воевода полоцкий, з замку частыми вытечками переважне обороняючыся выпадал и москву бил, а потом сам казал место и парканзапалити...шлюбуючы з жолнерством сам на себе взятти оброну великой полоцкой Посады и черни теж простого люду 24 000 з замку выгнан преч... А по згореню места...Москва, стреляючи з гармат беспрестанне, запалили замок и люду, в замку гасячих * огонь... москва взявши замок Полоцкий и место недогорелое опановали...»; «татары (татары находились на службе у московского князя – Н.Н.) езуитов, доминиканов, барнардинов посекали, а жидов всех потопили, а воеводу полоцкого Дивойну с жоною, владыку и пана Яна Глебовича, воеводича виленского... и иншой шляхты много, также мещан всех полоцких забраныхзовсих скарбов, иж до везеня взято, и до Москвы...» (1564 г.) [5, с. 110]. Не меньшим бедствием становились собственные войска, занимавшиеся самовольным захватом провианта: «почали себе жолнере живности гвалтом брати, кривды людем чинити...» (1573 г.) [5, с. 115].

Не простая обстановка складывалась и там, где не происходило непосредственных вооруженных столкновений. Одним из таких мест был г. Могилев. Жизнь горожан была подчинена военному времени. Могилевчане, как и все остальные жители в целом, должны были обеспечивать войско Великого княжества Литовского провиантом: «ставшы очевисто шляхетный пан Мартин Синицкий, товаришь з роты его м(и)л(о)сти пана Мартина Козановског(о), жаловал и оповедалъ о томъ, иж в тот понеделокъ прошлый. О полудни, кгдым послалъ был слуг своих, почстивых шляхтичов, до господы своей, которая ми з уряду от ег(о) м(и)л(о)сти пана гетмама была назначона, на име до дому Гришка и до Панфила, жебы ми взяли ку живности мне з оногое господы яловицу...» [2, с. 510], предоставлять им и их семьям жилье: «ставшы очевисто Стас Борковский, козак, жаловал на Левона Семеновича, мещанина Могилевского, о том, иж мел есми господу у дому его, то пак отходечы до Головчына, zostавилемъ у дому ег(о) жону свою и речей своих не мало, то пак он самъ (з) жоною своею жону мою с козаком неким проч выправил...» [2, с. 337]. Нахождение частей армии на территории города и в его окрестностях приносило немало бедствий горожанам. Жолнеры нападали на дома, грабили и избивали жителей: «ставшы очевисто Артемъ Поненокъ жаловаль на Яцка Поненкова о том, ижъ он сам тым у дому моего выловил, а потом, з направыяего его самог(о) и брата его Юрка, жолнеры тые, што у них стоят, у ночи пришотшы тою дирую, на домъ

мой почали до сенец бит, хочечы мене о здраве приправити; аж я, видечы быт кгвалтъ на себе, з ызбыюкномъ утекъ; а потом у домуж моемъ от клетки замокъ отбившы, речы моих немало побрано...» [2, с. 458], забирали у горожан их имущество: «Ермола Варинович жаловаль на учтивого Ивашка Федоровича Борана о томъ, иждей он року прошлог(о) семьдесят девятог(о), м(е)с(я)ца Апреля десятог(о) дня, у ночи, будучы мне на розволяхъ Днепровских, у Костромина колодезя, кгдымъ сети закладал для ловенья рыбъ, то пак он, Ивашко, у ночи о полночы с козаками замьку Могилевского и з вижомъ пришедшы тамъ мне отнял с тыми козаками сетей пят,... чолнъ,... секиру... два мешки редных, рогожу, над то мене тамъ же на берегу у усти Днепра збили, змордовали...» [2, с. 558]; насильовали горожанок: «ставшы очевисто учтивая Масюта Хомина Соколовска, жаловала... о томъ, иждей... ночи прошлое с четверга на пятницу, зобравшысе з жолнерами самочвартъ Иванъ Легоновчъ, тамъ нашодшы на господу мою... моцнокгвалтомъ мене он Иван, яко съ помочниками своими, збил, змордовал и самую згвалтил и учынекъ кгвалтовный попелнил и што хотель, со мною чынилъ, которого бою оказала кров на плахте, менечы, же з носа шла, кгда ея били...» [2, с. 421–422]. Подразделения, размещавшиеся на постой, увлекались горячительным напитками, причем в столь значительном количестве, что в последующем не могли вспомнить о происходивших накануне событиях. Иногда результатом этого становились ложные обвинения против горожан: «ставшы очевисто шляхтеный пан Павел Кгутовский, служебник пана Лупковскаго, товары з роты его милоски пана Козаковского, жаловал и оповедалъ о том, ижвжо тому третий день, якъ я пившы у кгелде и будучы пьяный, пришо лесми был до мешканья Савы Дудкина на преспанье, што он тамъ же неподалеку тое кгелдымешкаль, икгдывжо у него спалъесми годину албо полторы, тогды он мне обудившы, выпхнул прочь з оног(о) мешканья своего и вжо се было змрекло на тот час, якож мне там сплючы згнуло осмъ талеров... А сторона отпорная Сава Денисовичъ знал се доброволне, же до его мешканья пришел был пьяный, нижлиповедил же еще о полудню пришел был и там дейу мене спавшы, сам по своей доброй воли от мене вышол...» [2, с. 405]. Подобный образ жизни, приводел и к непоправимым последствиям. Так в 1580 г. в суде могилевского магистрата рассматривалось дело об убийстве Алисея, сына Николая Ивановича. В ходе судебного заседания было

установлено, что молодой человек был убит пьяными жолнерами, с целью завладения спиртным напитком (медом) [2, с. 489].

Жолнеры временами становилось причиной распада семьи: «Иванъ Бутаковичъ, мещанинъ Шкловский, жаловали оповедал на жону свою Масюту о том, иж, отедаючи з Могилева до Быхова, zostав и лесми ее у дому брата своего Игната, то пакъ она, наполнившысе воли своее, з жолнерами проч утекла...» [2, с. 513]. Подобные действия в рассматриваемое время приравнивались к супружеской неверности, за которую, согласно нормам Статута 1588 г., предусматривалась смертная казнь [4, с. 345].

Произвол со стороны жолнеров и казаков вызывал недовольство у горожан и они оказывали им сопротивление: нападали и избивали жолнеров: «Мартин Кгурчынский, товариш роты его м(и)л(о)сти пана Мартина Козановского... жаловал на мещан места Могилевского, а меновите... на Ждана Труховновича, купца, а на Федка Солодовника, о том, иж в том же року осмьдесятом, м(е)с(я)ца Марца двадцат второго дня, будучы дей у потребах моих в рынку служебнику моему Криштофу Якимовъскому. Оные мещане... з многими помочниками своими, не ведат для которое причины, служебника ег(о)... збили окрутне, зранили... и на тот же час збили тыеж мещане Андрея Белобрезского, хлопца ег(о) м(и)л(о)сти пана ротмистра» [2, с. 573–574, 578, 579]; оскорбляли и забирали у них имущество: «Ян Сорский, жолнер з роты пана Козаковског(о), жаловал на Андрея Савинича, мещанина Могилевског(о), о том, иж он, у понеделок прошлый две недели минули ... то пак кгдым ехал Днепромъ и с чолна выседал, тамъ на берегу почал мене словы не учтивы милжыт; надток гвалту на мене заволашь и тамъ с помочниками своими мене невиннее збил, при котором бою згнули две шабли и шапка...» [2, с. 611, 616, 619]; оказывали сопротивление при сборе провианта: «ставшы очевисто шляхетный пан Мартин Синицкий, товаришь з роты его м(и)л(о)сти пана Мартина Козановског(о), жаловал и оповедалъ о томъ, иж в тот понеделокъ прошлый. О полудни, кгдым послалъ был слуг своих, почсти вых шляхтичов, до господы своей, которая ми з уряду от ег(о) м(и)л(о)сти пана гетмама была назначона, на име до дому Гришка и до Панфила, жебы ми взяли ку живности мне з оногое господы яловицу и там кгды пришли были до господы служебники мои у дом тых вышпомененых и там оповедявшысе первый тым господаром, узели были яловицу, которую взявшы, повели были до жругой господы моее, который тот Гришко... а Панфил..., зобравшысе з

многими помочниками своими, которых они лепей ведают и знают... кгвалту волаючи на слуг моих, гонилисе за ними... а нагонившы... слуг моих побили, помордовали, кгвалту на них без престанку волаючи и яловицу тую, которую взяли были, ее отбегли...» (1580 г.) [2, с. 510]. Подобные действия являлись уголовно наказуемыми и карались смертной казнью, если совершались в отношении представителей шляхты (Статут 1588 г., Раздел. 11, Арт. 16). В то время как нанесение побоев в состоянии самообороны предусматривало только штрафные санкции (Статут 1588 г., Раздел 11, Арт. 24) [4, с. 430–431]. Осознавая это, горожане «кгвалтуволатъ», тем самым демонстрируя, что их действия являются самозащитой.

Однако, была и другая, обратная сторона военного положения. Жизнь, несмотря на бесчинства и произвол со стороны расквартированных подразделений, продолжала течь своим чередом. Жители занимались своими повседневными делами: ремеслом и торговлей. Стоит отметить, что торговые отношения не прерывались, в том числе и с Московским княжеством, хотя и были введены ограничения на продажу товаров, которые могли быть использованы в ходе военных действий (порох, железо и сера) [1, с. 218]. Во время своих торговых поездок, моголевские купцы зарабатывали тем, что переправляли в своих обозах московских военнопленных, получая тем самым дополнительную прибыль: «ставшы очевисто учтивы Селивое Марькович, мещанин Моголевский, жаловаль на учтивного Ивка Сухоча о томъ, иж будучи намъ обемасполне на Москве, тогды тамъ протил насъ одинъ немецъ, а бысмы вывезли полоняника немъца, именовъ Шопога, мещанина риског(о), на Кононгавзе взятого от Москвы, за которое вывезене мел дат полторста рубля, што тамъ же зарахомъ готовыхъ денег дано полчварта рубля, а по двух рублях тамъ же на Москве ручил Клишько Легонович. Нижли он Иев, взявши до себе оные гр(о)ши, мне части моей, што на мене прыдет, заплатит не хочет...» (1579 г.) [2, с. 216].

Прибыль приносила также продажа военной добычи (военную службу несли как сами мещане, так и земляне – шляхтичи проживавшие в городах): «ставшы очевисто Каспер Сарнацкий, козакъ, сознал, иж пол(он) янку московку Хвеню, которую досталь будучи за границую у земли неприятельской под Смоленскомъ, которую продалъ учтивому Ходку Богдановичу, мещанину Моголевскому, за копу одну гр(о)шей монеты и личбы литовской, которую мает он у себедержати до девети лет, а по деветилетех волна

маеть быти от него пушона, а в неволи держана не маеть быти...» [2, с. 332]. Военной добычей становились военнопленные, домашний скот, одежда, предметы домашней утвари. Интересным является тот факт, что военная добыча не только рассматривалась как законно приобретенная, но и то обстоятельство, что спорные вопросы по поводу ее раздела рассматривались в судебном порядке: «учтивы Ивашко Споронович даловаль на Саву Матвеевича о том, иж з ним ходил за границу в товаристве в козацтво под Смоленскъ, и там есмо достали сполне кобыль две, робят москолет – два, овчын двадцать чотыри, овец чотыри, замокъ нутреный, чотыри узголюва, дерюги две, ермак одни, мисы три; ковшы два, косы три, топаров семь, скобли две, воску с камен, волны рунъ тридцат, сорочок двенадцат, нижли, он за мною еще делу не мел, ани делил» [2, с. 339]. Военнопленных либо отпускали по истечению определенного срока (когда они отработывали деньги), либо отдавали родственникам за выкуп, при этом нельзя было их продавать в другие земли: «московку полонянку, на име Матруну Терепина и з дитятем ее сыном, которую взяту на Крапивне, в тыхчасех не давно прошлых, тую жонку вышпомененую продал обелвечне учтивому Кузме Тарасовичу, мещанину Могилевскому, за три копы гр(о)шей монеты и личбы литовской, которы(о)й жонки на потом самъ откупит не маю, толко если бы се трафил тое жонки муж аборприятел з Москвы, тогды тую московку на окуп мает дат у ее строну, а в Литву ани до Полски не мает до(а)ват...» [2, с. 405]. В последнем случае, женщина с сыном были проданы на вечность, хотя это было не типичным явлением для рассматриваемого времени.

Военная добыча являлась источником дохода и для вдовствующих горожанок. В случае гибели супруга во время военного похода, они имели право претендовать на часть военной добычи: «ставшы очевисто учтивая Маланя, жона позосталая небожчыка Санка, а Вася. Позосталая теж жона Андрея, жаловали... ижонъ, Парфен, будучы в одномъ товаристве за граицою Московскою под Рославлемъ, нижли тамъ мужовън(а)ных побито, а добычы части, што на нихъ придет, отдати намъ не хочет и у себе ховаеть...» [2, с. 382–383].

Не брезговали мещане и грабежом, зная, что военные возвращаются с военными трофеями домой: «ставшы очевичсто Богдан Кузминич жаловал на Ждана Ахремовича, римара, о том, иж мне идучы з заграничя, земли Московской с товарышами своими и

стоечывжо на стану от границы, у семи милях, то пак он, зобравъшысе з многими помочниками своими, нашот шимоцно квалтом на станъ(а)нь, тамъ мене самого збил, змордовал и добычу мою, што я мел и с товаришами своими, побрал, напревей московку молодицу на име Федосю, кони трое... мех платя суконного, ручницу...» [2, с. 371].

Таким образом, повседневная жизнь горожан, проживающих на территории, которая не становилась непосредственной ареной военных действий, претерпевала ряд изменений, обусловленных военным временем. Это необходимость обеспечения войска провиантом и расквартирование их, это значительные ущемления прав со стороны последних, в результате тех бесчинств, которые они себе позволяли, а также наличие ряда ограничений на отдельные виды деятельности. В тоже время – это возможность получения прибыли путем реализации военной добычи и переправки военнопленных неприятеля, а иногда незаконное приобретение военных трофеев путем их хищения.

Список литературы:

1. Акты издаваемые Виленскою комиссією для разбора древних актов: в 39 т. Т. 3: Акты Брестскаго градскаго суда. Вильна: Типограф. Губ. правл., 1870.
2. Акты издаваемые Виленскою комиссією для разбора древних актов: в 39 т. Т. 39: Акты Могилевскаго магистрата XVI в. (1578–1580). Вильна: Типограф. Губ. правл., 1915.
3. Вялікае княства Літоўскае: энцыкл. У 2-х т./пад рэд. Г.П. Пашкова [і інш.]. Т. 1. Мн.: Бел. энцыкл., 2005.
4. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: тэксты, даведнік, каментары/рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: Бел. сав. энцыкл. імя П.Броўкі, 1989.
5. Полное собрание русских летописей. В 43 т. Т. 32: Хроники: Литовская, Жмойтская, и Быховца. Летописи: Буркулабовская, Аверки и Панцырного/ под ред. Б.А. Рыбакова (отв.ред.), составит. Н.Н. Улащик. М.: Наука, 1975.